

Л.В. Суханова

Мастер

МАСТЕР — заглавный герой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» — появляется лишь в 13 главе, которая называется «Явление героя». Ни имя его, ни биография в романе не раскрыты.

«...Бритый, темноволосый, с острым носом, встревоженными глазами и свешивающимся на лоб клоком волос человек примерно лет тридцати восьми... <...> На нем белое белье, туфли на босу ногу, на плечи наброшен бурый халат» — таким увидел Мастера Иван Бездомный в сумасшедшем доме.

«“Вы — писатель?” — с интересом спросил поэт. Гость потемнел лицом и погрозил Ивану кулаком, потом сказал: “Я — мастер, — он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой “М”. — <...> Она своими руками сшила ее мне”, — таинственно добавил он. “А как ваша фамилия?” — “У меня нет больше фамилии, — с мрачным презрением ответил странный гость, — я отказался от нее, как и вообще от всего в жизни. Забудем о ней”».

Историк по образованию, Мастер два года тому назад еще работал в одном из московских музеев и изредка занимался переводами. Мастер владел английским, французским, немецким, латынью и греческим и мог читать по-итальянски.

Жил он одиноко и однообразно, не имея родных и почти не обзаведясь в Москве знакомыми. Однажды ему повезло: Мастер выиграл сто тысяч на облигацию.

На эти деньги Мастер накупил книг и снял две комнатки на Арбате, в подвале маленького дома в садике. Службу в музее он бросил и сел за сочинение романа о Понтии Пилате.

Так и текла его одинокая жизнь. Зимой в его печке пылал огонь да изредка слышался хруст снега под ногами прохожих — и так изо дня в день.

Как-то внезапно для Мастера нагрянула весна, оделись в зелень кусты сирени. «Необыкновенно пахла сирень! И голова становилась легкой от утомления, и Пилат летел к концу». Мастер уже знал, что последняя фраза в романе будет такой: «...Пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтии Пилат».

Порой, чтобы отдохнуть от работы, Мастер выходил погулять. И в одну из таких прогулок он встретил молодую женщину, которая через самое малое время стала «тайной женой» Мастера, и они поняли, что «столкнула их... сама судьба и... созданы они друг для друга навеки».

Мастер продолжал работать над романом, а она перечитывала написанное и под влиянием прочитанного стала называть его Мастером.

В августе роман был окончен и перепечатан в пяти экземплярах. Начиналось знакомство Мастера с миром литературы.

Издательский редактор, ознакомившись с рукописью, смотрел на Мастера так, как будто щека у того была раздута флюсом. Не говоря ничего по существу дела, он спрашивал Мастера, кто он такой и откуда взялся, давно ли пишет и даже задал «идиотский вопрос»: кто надоумил Мастера сочинить роман на такую странную тему? Потом он передал рукопись членам редколлегии, а через две недели ее, засаленную и растрепанную, возвратили автору под предлогом, что редакция завалена материалами на два года вперед.

Все же Мастеру удалось напечатать в одной из газет большой отрывок из своего произведения. Прошло не более двух дней, как на эту публикацию появились отклики. Первым была статья критика Аримана «Враг под крылом редактора», в которой утверждалось, что Мастер «сделал попытку протащить в печать апологию Иисуса

Христа». В другой газете опубликовали статью Лавровича, предлагавшего «крепко ударить по пилатчине и тому богомазу, который вздумал протащить... ее в печать». Однако эти статейки могли считаться шутками по сравнению с опусом Латунского под названием «Воинствующий старообрядец».

Ознакомившись со статьей Латунского, новый неожиданный друг Мастера, журналист Алоизий Могарыч, состряпал на него донос, якобы Мастер хранит у себя нелегальную литературу — Алоизию очень нравилась квартира Мастера, и он хотел в ней поселиться.

Разгромные рецензии меж тем все не прекращались. Над первыми Мастер смеялся, потом начал удивляться. Затем наступила третья стадия — страха. Мастер стал бояться темноты, ему начало казаться, что в оконце влезает какой-то спрут с длинными и холодными щупальцами. Как-то в сумерки он заснул и проснулся в полной темноте с ощущением, что спрут уже здесь. Мастер окончательно перестал владеть собой. С трудом засветил он лампу и разжег огонь в печи, после чего вынул из стола рукопись и принялся жечь ее.

В огонь уже была брошена последняя тетрадь, когда в комнате появилась Маргарита и выхватила из печки оставшиеся листки. Глядя на них, Мастер выговорил: «Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно».

Маргарита уходит, чтобы объясниться с мужем. Через четверть часа после ее ухода в окно постучали...

Дальнейшую часть своей истории Мастер рассказывает Ивану на ухо. Лишь после того, как извне перестали доноситься всякие звуки, Мастер отодвигается от Бездомного и начинает говорить громче.

В середине января Мастер жался от холода в своем дворике. Припав к оконцу своей бывшей квартиры, он увидел в комнате играющий патефон, и страх овладел каждой клеточкой его тела.

Мастер знал, что клиника доктора Стравинского уже открылась, и через весь город пошел туда пешком. И вот, он находится здесь уже четыре месяца.

«Я неизлечим, – спокойно объясняет Мастер Ивану. – Когда Стравинский говорит, что вернет меня к жизни, я ему не верю».

Извлеченный по просьбе Маргариты из «дома скорби», Мастер возникает перед Воландом. «Его хорошо отделали», – замечает тот и велит Коровьеву угостить Мастера чем-нибудь горячительным.

После выпитого Мастеру становится спокойнее, глаза у него оживают. Воланд возвращает Мастеру роман со словами «Рукописи не горят», но Мастер снова впадает в тоску и беспокойство, заламывает руки и, обращаясь к далекой луне, начинает бормотать: «И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня? О, боги, боги...»

Мастер вполне разделяет желание Маргариты вернуться в Арбатский переулок. «У меня больше нет никаких мечтаний и вдохновения тоже нет... ничто меня вокруг не интересует, кроме нее... меня сломали, мне скучно, и я хочу в подвал. < ... > Он мне ненавистен этот роман... я слишком много испытал из-за него».

Мастер и его подруга возвращены в подвал, хотя Воланд и знает, что они не обретут на земле покоя и счастья. Поэтому дух зла соглашается выполнить просьбу Иешуа, ознакомившегося с произведением Мастера, — взять несчастного с собой и «наградить его покоем... Он не заслужил света, он заслужил покой».

Став обитателем иного мира, Мастер вместе с Воландом и его свитой покидает землю. «Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его».

Маргарита «видела, как изменился Мастер. Волосы его белели теперь при луне и сзади собрались в косу, и она летела по ветру. Когда ветер отдувал плащ от ног Мастера, Маргарита видела на ботфортах его то потухающие, то загорающиеся звездочки шпор. Подобно юноше-демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой...»

Воланд показывает Мастеру героя его романа, Понтия Пилата, и заключает: «Ну что же, теперь ваш роман вы можете кончить одной фразой». «Мастер сложил руки рупором и крикнул так, что эхо запрыгало по безлюдным и безлесным горам: “Свободен! Свободен! Он ждет тебя!”»

Простившись с Воландом, Мастер и Маргарита идут к своему новому жилищу. И Маргарита говорит: «Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером придут к тебе те, кого ты любишь, кем ты интересуешься и кто тебя не встревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я».

А на земле следствию, которое велось по «делу Воланда», так и не удалось выяснить «побуждение, заставившее шайку похитить душевнобольного, именующего себя мастером, из психиатрической клиники... Не удалось добыть и фамилию похищенного больного. Так и сгинул навсегда под мертвой кличкой: “Номер сто восемнадцатый из первого корпуса”».